

Кругозор

Виктор РОЗОВ

ВСЕ ЭТО— МОЯ ЖИЗНЬ

Когда в тридцатые годы я приехал из тихого волжского города Костромы учиться в Москву, я был ошеломлен массой впечатлений, как сейчас принято говорить, обилием информации, которую получал ежедневно. И каждый вечер, ложась спать, перебирал в уме события дня: что увидел, услышал, узнал... К сожалению, эту привычку я забыл. И когда меня сейчас спрашивают: «Чем был заполнен для вас истекший год?» — я чувствую некоторую растерянность. Не оттого, что событий было мало или они успели забыться, — как раз напротив: событий было великое множество, я переполнен ими, и мне трудно уложить их в каком-то порядке.

Давно я пришел к выводу: жизнь полна неожиданностей. И вот эти-то неожиданности особенно приятны. Но я начну воспоминания с неприятного события.

Однажды к нашему дому подъехала машина «Скорой помощи», меня увезли. Хотя я уже леживал в больницах, но на этот раз увезли меня в разгар работы над новой пьесой и разрешили вставать только три раза в день. Как-то удивительно нехорошо загрустил я. Даже подумал: если сейчас же не начну работать, помру непременно. Я знал, что писать пьесу сил не хватит. И стал писать драматургический этюд. Только для того, чтобы мобилизовать, тонизировать себя. Мой сосед по палате, очень веселый и славный, наябедничал доктору. Доктор подумал, подумал и сказал: «Ну, что ж, если ему это помогает, пусть работает!» Дело пошло на поправку. Но самое интересное было дальше: я увлекся этюдом и написал половину пьесы, вторую часть которой закончил довольно быстро. Я назвал ее «Затейник».

...Меня, драматурга, судьба связала с молодежью. Герои моих пьес — юноши и девушки. Те, кого встречаю на заводах, стройках, в аудиториях институтов. Удивительное дело творят они на производстве, в науке и технике. К сожалению, я не могу этого сказать о многих молодых людях, пришедших в искусство. Убежден, что нет стены между достижениями в сфере материального мира

и духовным ростом человека. Я, конечно, горжусь нашими космонавтами, но не меньше горжусь поэтами, актерами, учителями.

Вот о чем мне хочется сказать молодежи. Сказать, потому что я ее люблю, верю в нее. И хотя мне горько знать, что некоторые юноши и девушки ведут себя скверно, я понимаю, что не они есть суть. Я все глубже и глубже чувствую стремительный рост молодежи, возросшие требования не только к жизни, но и к себе, ее пытливость, целеустремленность, огромную отдачу в работе. Меня радует, что молодежь сегодняшнего дня не только требует правды и справедливости, но и бьется за них всюду, где они еще попираются. После каждой встречи с юностью я прихожу домой помолодевшим.

...Я не говорю подробно, что минувший год был полон и теми событиями, которые свершались для всех. Я, как и каждый, не могу не думать о том, что происходит в Африке или Индонезии, во Вьетнаме или Америке. Я знаю, я чувствую: жизнь всего мира — это и моя личная жизнь.

Пленумы Центрального Комитета нашей партии тоже моя жизнь. Я рад, что решено повысить к.п.д. нашего сельского хозяйства и промышленности. По-моему, главное, что нужно сделать, — назначать на должности людей, исходя, главным образом, из деловых качеств. Давно известно, что самая высокая продуктивность достигается тогда, когда человек работает не за страх, а за совесть. И сейчас главный успех будет зависеть от людей, от того, с каким стимулом они будут работать. Я высоко ценю стимул материальной заинтересованности, без него работа может превратиться в «мартышкин труд», но я бы желал, чтоб вместе с этим стимулом везде восторжествовал и стимул любви к делу.

Я много передумал о своем труде, о театре и драматургии наших дней, о любви, о верности, о познании, о развитии нашего государства, обо всем на свете. Все поразительно интересно. Год от года все больше удивляешься богатству жизни, безграничности ее содержания и форм.

Материк — нетронутый пласт поверхности земли нашей, кряж, природный, ненасыпной, ненаносный.

В. Даль

Стоя и глядя вверх — на стену Кремля:

от кирпича к кирпичу — нищ проломы, заделанные новым камнем, пулевые ранения на красной, крепко обожженной глине;

от кирпича к кирпичу — в морщинах напух снег;

круто набирает высоту красный коловорот башни, голуби торчат в глубине бойниц, похожие на старые пушечные ядра, ржавые с голубым.

Стоя и глядя вверх, дыши свежим, как газировка, воздухом. С речной стороны, со Спасской башни, загудят высокими голосами колокола часового боя. Привратник с повязкой «распорядитель» отодвинет обшлаг, свернется с курантами, долго ли до смены. У него такая работа: стоя и глядя.

Стоя и глядя: дорога ведет через Александровский застывший сад на береговую гору, на Боровицкий холм. По сахарно, остро хрустящим камням чокают сапоги, ширкают унты, мелькают валенки — экскурсия.

— Мы с вами входим на территорию Московского Кремля.

Обратите внимание на Боровицкие ворота. С 1955 года в них входят ежедневно тысячи человек. Двигаемся.

Стоя и глядя: внизу мостовая, тесаный камень, кирпич к кирпичу — тоже стена. За ней — время накоплено, бегущие дни один над другим. Откроем землю, как реставраторы «открывают» икону — осторожно снимают позднейшую запись, чтобы добраться до главного.

Попадется булыжник — это из первой в Кремле мостовой. Пойдут горелые дубовые бревна — пожары тут бывали большие, их различали летописцы по именам: «Всехсвятский», «Предтеченский». Проглянет из праха светлая, многогранная, как стрекозье око, бусина. Серп, истаявший от ржавчины. «Культурные слои» идут тонкие и потолще, земля ведь тоже растет, как дерево, по-разному. И как дерево, земля растет от сердцевинки.

Вот она, эта сердцевина. Семь метров глубины. Материк.

Простая черная земля — прощ не придумаешь, способная вырастить сосновый бор и дома, принять в себя всех, кто здесь жил, и выкормить новых людей, и защитить их своими стенами, и собрать на своем горбу все, что делалось в России.

Не эта земля растила и строила, не она кормила. Так уж говорится. Просто удобным показалось русскому человеку это высокое место на двух реках, и он его украшал и огораживал, и Кремль — памятник ему.

Семью метрами выше, восемь веками позже идет-бредет сама собой ступа с помелом: шофер курит в кабине, машина метет, а снежок метет следом, накрывает скатертью-дорожкой каленую от мороза мостовую. По всему Кремлю работают, убирают машины. Кремль — чистый город.

В городе одна улица — Коммунистическая, три площади.

В город ходят на работу разные люди: архитекторы, балерины, буфетчицы, научные сотрудники, распорядители, реставраторы, художники.

Здесь работает Председатель Президиума Верховного Совета. Здесь работает правительство.

...В городе хранятся национальные сокровища.

И ведь какая была история: горели пожары, ахали оземь и расседались колокола, приходили поляки и разоряли соборы, Наполеон взрывал стены, просачивались к Москве «мессеры» — Кремль стоял и хранил.

Каждое время оставляло в нем свое: пудовые летописи из Чудова монастыря; лощеную керамику; иконы Феофана Грека, Прохора с Городца, Андрея Рублева; колокола, пушки, росписи Теремов, золотой шлем Ивана Великого;

кабинет Ленина.

Ленин оберегал Кремль. Был издан декрет об охране памятников, проходили субботники. Реставраторы разошлись по соборам. Началось превращение Кремля-напища в Кремль-заповедник.

Голодные музейные работники вели опись алмазов, взвешивали царские короны — будничную и «кобеднищную», измеряли бриллиант «Граф Орлов». Ферсман записал историю алмаза «Шах», который

был платой персидского владельца русскому за ужасную смерть Грибоедова. Реставраторы сидели над древними досками, работали своими кисточками и ваточками, обирая с икон зажухшую кожуру, открывая светлые, как вода вечером, краски Андрея Рублева.

Из Кремля уходил век коронаций и немок-императриц, оставалось искусство, оставалась история...

По небольшим площадям Кремля ходят люди, читают с золотых досок на стенах. Идет снег. В соборах горячо мерцают окна, как высокие стананы темного чая в решетчатых подстаканниках.

Парень фотографирует свою девушку у собора.

— И выйду и такая змерзлая, — говорит девушка.

Растет земля.

...Что сумеет оставить каждый из нас на нашем материке?..

Л. ПЕТРУШЕВСКАЯ
Фото О. Неёлова

Между Ярославлем и Римом

Фото М. Озерского

Состоялся лишь телефонный разговор. Эмиль Гилельс только что приехал с концерта в Ярославле, перед этим была поездка по Союзу и странам Европы, и — снова дорога, последнее в 1965 году гастрольное путешествие — Италия.

Вопрос. Что вы будете играть в Италии?

Ответ. Фортепианный концерт Бетховена с оркестром.

Вопрос. Что вы считаете главным в работе пианиста?

Ответ. Это вопрос специальный, но если говорить о главном, то, конечно, проникновение в сущность произведения: выявить мысль, все, что задумано автором, наиболее ярко. Не просто доходчиво, а именно наиболее ярко. И здесь прежде всего должна проявиться одаренность исполнителя. Талант, который неосязаем, но который так притягателен.

Вопрос. Существует ли проблема «исполнитель — аудитория»?

Ответ. По-моему, проблемы нет! Надо, чтобы исполнитель был талантливым, а слушатель внимательным, чутким. Именно в этом случае и возникают между артистом и публикой незримые токи.

Вопрос. Как вы относитесь к записям на пластинку?

Ответ. Это помогает всем. И слушателю и исполнителю.

Вопрос. Не смогли бы вы рассказать историю записи, которая прозвучит в «Кругозоре»?

Ответ. Фортепианный концерт Шопена ми-минор я играл в юные годы, но так уж сложилось, что с тех пор к нему не возвращался. И вдруг меня «повернуло». Когда я был на гастролях в Америке, я играл его с оркестром под управлением Орманди. Вот тогда я и получил предложение от фирмы «Колумбия» записать этот концерт.

Вопрос. В определенные периоды каждый исполнитель тяготеет к определенному автору. Кто вам близок сейчас?

Ответ. В последнее время я увлекался музыкой Шуберта, ему отдавая предпочтение. А всегда — люблю Бетховена, Чайковского, Прокофьева, многих французских композиторов. И вообще, я бы сказал, у меня в этом отношении обильное сердце.

ЗОЛОТОЙ ОРФЕЙ

Нина ДОРЛИАК

Однажды Святослав Рихтер привез мне из зарубежной поездки пластинку: Шуман — «Любовь поэта», Брамс — шесть песен; исполнитель Дитрих Фишер-Дискау. Запись эта сразу поразила меня. Удивительно красивый голос, мягкий и одновременно мощный, редчайшее чувство ритма, тонкая нюансировка. Певец оказался для меня редким идеалом исполнителя. Я стала собирать его записи. Огромный диапазон произведений ни разу не умерил совершенства его пения.

В 1962 году мы поехали в Байрейт на спектакль «Тангейзер». Волнение охватило меня, как только мы пришли в театр Вагнера, в котором в далекие годы пела моя мать Ксения Николаевна Дорлиак. Сцена «грот Венеры» нам не понравилась. Но вот перемена декорации — провод странников, и на сцене появляется очень высокий человек в плавно ниспадающей одежде. С первыми звуками его голоса, с первой фразой вся сцена как бы осветилась, наполнилась жизнью. Каждое движение было значительно и прекрасно. Началось высокое искусство. Пел Фишер-Дискау.

После спектакля мы познакомились. Я была еще раз приятно покорена его обаянием. Этот по-детски застенчивый великан оказался интересным собеседником. Широко образованный, хороший пианист, он увлекается живописью, рисует, владеет несколькими языками. Для Фишера-Дискау работа над музыкальным произведением — это постижение эпохи, страны, это постоянное раздумья над стихией музыки.

Недавно в Олдборо, на фестивале английского композитора Бриттена, Фишер-Дискау и Святослав Рихтер встретились впервые за инструментом. Они исполнили «Песни Магелонэ» Брамса. Отзвучали песни, и все присутствующие — а их было около тысячи — в едином порыве поднялись и несколько минут стояли безмолвно.

На фестивале в Мантуе Фишера-Дискау удостоили звания «Золотого Орфея». К качествам античного героя он прибавил взыскательный труд мастера и раздумья философа.

За мужество, отвагу и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, присвоить полковнику Кузнецову Виктору Игнатьевичу звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Указ Президиума
Верховного Совета СССР

С. ЗИНИН

ИСПЫТАТЕЛЬ

Внизу под облаками были лужайки, дубовые рощи, детские сады, фонтаны на площадях, заводы и хлебные магазины. Летчик еще не знал, что ему все же удастся вывести тяжелый ракетноносец из томительного пике. Он крикнул радисту: прыгай! И тот по тону голоса понял, что даже на короткое «Давай будем вместе до конца, что бы ни случилось» нельзя тратить сейчас собранные в кулак силы командира. И радист нажал кнопку катапульты, которая выстрелила его «в жизнь» из кабины, выстрелила, разгерметизировав кабину, оставив командиру еще одной возможностью меньше: смотровые стекла покрылись льдом, и теперь можно было посадить машину, только взглядываясь в узкий луч обзора через форточку величиною в ладонь.

На звонок Виктор Игнатьевич отирывал дверь сам.

Рост у Кузнецова средний. Волосы короткие, скорее ежином. Синий тренировочный костюм.

— Мамошка, — крикнул в нужную жену, — и нам гости. Какие там дела, сначала обедать!.. Сейчас и сын прибежит. Младший. Не в папу пошел. Тринадцать лет, седьмой класс и сороч пятый размер ботинок. Покупаем в «Богатыре». — Смеется. —

Мои уже не лезут... Плавают в Лужниках парень, разрядник.— Легонько подталкивает меня: дескать, проходи, не робей. Понимаю: чувствует, что и мне неловко в воскресенье отрывать его от семьи (а когда его поймаешь, как не в воскресенье?)

— Мамочка, что там у нас с обедом? Как волки голодные...

Летчик еще не знал, что ему удастся вывести машину из томительного пике. Но еще до того, как парашют раскроется над радистом, и тот,

спасительно падая к земле, будет думать: как там! там!! там!!!— в летящей с ревом машине летчик продолжал отстаивать свою жизнь. Скучных секунд еще хватало, чтобы подвести итог отлетанных и отжитых лет. Но лужайки, дубовые рощи и фонтаны уже мелькали, будто под огромным увеличительным стеклом.

— Виктор Игнатьевич, когда вы стали испытателем?

— В сорок девятом.

— Где начали летать?

— Москва. Тушино. Клуб Осоавиахима.

— Какие типы машин испытывали?

— В основном тяжелые, в том числе и ТУ-104. Всего сорок типов.

— Сколько провели в воздухе?

— Четыре тысячи часов.

— Как часто вы бываете дома?

— Обязательно раз в месяц и на праздники.

Летчик еще не знал, что, сорвавшись с огромной высоты и стремительно падая к земле, он сможет три раза чуть выправить машину, а она, будто поскользнувшись, вновь покатится вниз. По

тяжести перегрузок поняв всю серьезность момента, он дрался за свою жизнь еще и потому что, кроме того, что трое ждут его дома, еще десятки человек ждут на аэродроме и перебои в сердце машины— это перебои в токе их крови. Сотни приборов уже зафиксировали и нашли эту крошечную трещину, тот мельчайший вопрос, на который еще не найден ответ. И ожидавшие на аэродроме, слушая по радию голос машины и летчика, твердили про себя: ну, прыгай! На первой задержке, когда, будто зацепившись крылом, на мгновение остановился в своем падении самолет, чтобы снова рухнуть вниз, они твердили: ну, прыгай! На второй, когда он один остался в кабине: прыгай! прыгай! И все же стоящие на аэродроме надеялись: машина сядет, и, когда в следующий раз под-

нимется, для взявшихся за штурвал небо будет высоким, путь — накатанным, светлым...

— Виктор Игнатьевич, а сколько минут продолжалось это падение?

— Две минуты, двадцать пять секунд.

— Это были длинные секунды?

— Не заметил.

— Вы сильно волновались?

— Волновался за радиста.

— Как вы спасали машину?

— Я проигрывал все это на земле.

— А подробнее?

— Это был солнечный ясный день...

ТЕБЯ КОСНЕТСЯ

К. ВАНШЕНКИН

В БОРУ

Стою в бору. Сосновый этот бор,
Густой и неподвластный ураганам,
Как действующий высится собор,
Который знаменит своим органом.

Так знаменит, что многие идут
Сюда не для того, чтобы молиться,
А для того, чтоб слушать ровный гуд.—
Ведь он и просветляет наши лица.

Могучая мелодия без слов,
Где явственней то стук далекой брячки.
То звон синиц, то пение стволов,
То ветра шум, то отзвук электрички.

Мне кажется, что я один в лесу.
Все выше солнце. Время — перед полднем,
И я уже в себе весь лес несу,
Его живым звучащем переполнен.

Вот так же, замерев и не дыша,
Как если бы вода сошлась над нею,
Порой переполняется душа
Любовью или горестью своею.

...Сквозь ветви блещут неба витражи,
Там, в синеве, почти ненастоящей,—
Слепящих самолетов виражи
Над этим миром и над этой чащей.

Их гул в живой вплетается мотив,
Чтоб сердце от восторга замирало,
И движется сквозь весь лесной массив
До самого, наверное, Урала.

Фото В. Гиппенрейтера

ПОЭЗИЯ

Рис. А. Брусиловского

Вадим СИКОРСКИЙ

ТЕБЯ КОСНЕТСЯ ПОЭЗИЯ

Ты скрепы мира понял,
но властвовать ты не спеши,
Ты искру красоты не высек
из человеческой души.
Ты понял мертвый пласт
Вселенной.
Ты изучил тот пьедестал,
где непокорный и бессменный
мой дух над всем тревожно
встал.
Но проза не уловит звенья
того, что век стихом звалось.
И нет науки вдохновенья,
науки совести и слез.
Ученый друг, тебя коснется
поэзия — и ты не тот,
она лукаво усмехнется
и опрокинет твой расчет.
И разум твой за все заплатит,
когда предъявит счет она,
тебя закружит зыбным
платьем,
во все бездумно влюблена.
Ты мир исследовал до крошки,
но вдруг поверишь,
мудрый, ты,
что те созвездья — лишь
серезни
в ушах напризной красоты.

●
О книга философа, черная
краска...
Не верю, что время — лишь
замкнутый круг,
что вся эта жизнь — лишь
мгновенная сказка
о людях, о птицах, о царстве
зверюг.
И словно на шарообразном
экране
ее показали на нашей
Земле:
леса, городов электрических
границ
и песня, звучащая в розовой
мгле...
Мне лгут, что мятеж и что
совесть — игрушки,
что хаоса силы в бездумье
ночном
невинным щелчком
телевизорной ручки
вдруг выключат мир.
И забудут о нем.

М. СЕРГЕЕВ

МАРАКАС

Маракас — так горняки Бо-
дайбо называют свой рабочий
поезд.

Буран — крепкорук
и напорист —
под ребра вбивает крюки.
На поезд,
на поезд,
на поезд
сквозь морок идут горняки.
По насыпи туча елозит,
весь мир —
в сумасшедшем снегу.
И старый смешной паровозик
вплетает свой голос в пургу.
И вот над последнюю дремой
коротенький — весь напоназ —
к слоеным глубинам Артема
сторожно плывет маракас.
Как будто привязан родимый
и прожекторной желтой шлее.
Семь бочек табачного дыма
по узкой гремят колее.
Семь бочек колючего смеха —

какой их буран прошибет,
когда, словно горное эхо,
по лавкам летит анекдот.
И снова по кругу, по кругу
мигнут фонарями посты,
и снова сквозь хлесткую вьюгу
отправится поезд — пустым.
А люди под землю,
в забор —
двужильный, могучий народ.
И солнце на небо рябое
тугим самородком взойдет,
пойдет над землею,
засветит,
и снова,
как было не раз,
дорогу сквозь бешеный ветер
проложит ему маракас.

Борис СЛУЦКИЙ

СТИХИ В ЧЕСТЬ БИБЛИОТЕК

Какие бы общественные сдвиги
ни двигались, а их не сосчитать,
библиотеки выдавали книги,
читальни их давали почитать.
Просили на дом. Записи вели.
Товарищам давали на неделю.
И в общих залах допоздна сидели
во всех концах моей родной земли.
Пока Библиотечный Институт
работает,

на полки книги ставит —
нас никакие бомбы не сметут.
Нас никакие орды не раздавят.

Это не интервью, а запись разговора с молодой рижской певицей Л. Мондрус и композитором и дирижером Э. Шварцем. Музыканты, размышляющие о природе своего искусства, говорили о современной песне.

Эгил Шварц. Исполнитель, подошедший к роялю для первого знакомства с песней, на мой взгляд, напоминает геолога: перед ним необжитый, причудливый пейзаж музыки. И вот начинается поиск. Блуждаешь, снимаешь поверхностные слои, пока не найдешь то новое, «главный минерал» композиторской фантазии, который и дает истинную ценность произведению..

Лариса Мондрус. Музыка. Для меня она — главное в песне. Некоторые исполнители, скажем, Эдит Пиаф, считают слово основой песни. Я пытаюсь прочесть песню как музыкальную пьесу со словом. Поэтому, мне думается, песня всегда должна исполняться на языке ее создателей. Национальная интонация, ритм речи вплетены в музыкальную ткань. Представьте себе русские народные песни или негритянские «спиричуэлс» — как они проиграют в переводах. Но вот исполнение и инструментовка должны, по моему, быть индивидуальными для каждого музыканта.

Ключ к Песне

Эгил Шварц. Инструментовка — одежда песни. А костюм, как и, скажем, архитектура, передают дух времени. Но не надо полагать, что достаточно «перекроить» ритмы начала века по сегодняшним «фасонам» и ты уже современен. Нужно стараться понять суть времени. Наш век сочетает космичность скоростей, стремительное движение истории с углубленностью во внутренний мир человека. Поэтому и музыка стремится соединить в себе объемное, многоплановое звучание с тонким психологизмом.

Может быть, покажется странным, что я возлагаю на хрупкие плечи песни такой ответственный груз. Но я считаю песню полноправным и сильным гражданином во владениях Искусства.

Фото Л. Лазарева

На нашей звуковой странице: две песни в исполнении Л. Мондрус и оркестра под управлением Э. Шварца.

себе, что очень скоро полеты на такие сравнительно маленькие расстояния, как до Луны, станут обычным делом. Ведь человеку труден только первый шаг.

Когда я думаю о человеке, я вижу, каким он стал могущественным. Он даже сумел изобрести сред-

ства, которые могут опустошить землю. Но неужели ради этого абсурда и безумия природа так мучительно трудилась, создавая человека? Нет, я верю в разум, верю в человека.

Мартiros САРЬЯН

**ПРОБЛЕМЫ,
РЕШЕНИЯ,
ЭМОЦИИ**

Декабрь, 1965 год.

Что не знал корреспондент до приезда на завод:

1. Сэкономить зарплату — выгодно для завода, повысить — для рабочего; где же «золотая середина»?

2. Что лучше — жесткий директор или мягкий?

3. Большой завод выполняет скрепя сердце навязанный заказ, торгующие организации и покупатели довольны; а если заводу это невыгодно?

4. Где согласовывать план — «наверху» или «внизу»?

5. Энтузиазм — хорошо, материальная заинтересованность — хо-

**МОРАЛЬ
ЭКОНОМИЧЕСКОГО
СТИМУЛА**

Рабочие одной смены

И. САРКИСЯН
Фото
Л. Лазарева
Специальные
корреспонденты
«Кругозора»

рошо. Нравственно ли стремление человека к высокому заработку? Не противоречит ли оно интересам общества?

6. Все одобряют решения, принятые на Пленуме в сентябре 1965 года. Значит ли это, что их выполнение будет проходить гладко?

Размышления на эти темы вы найдете в звуковом дневнике Куйбышевского завода «Автомотордеталь». Диалог у микрофона ведут директор завода Евгений Бородулин, наладчик Анатолий Субботин, мастер Нинель Васильев, механик Виктор Губарев.

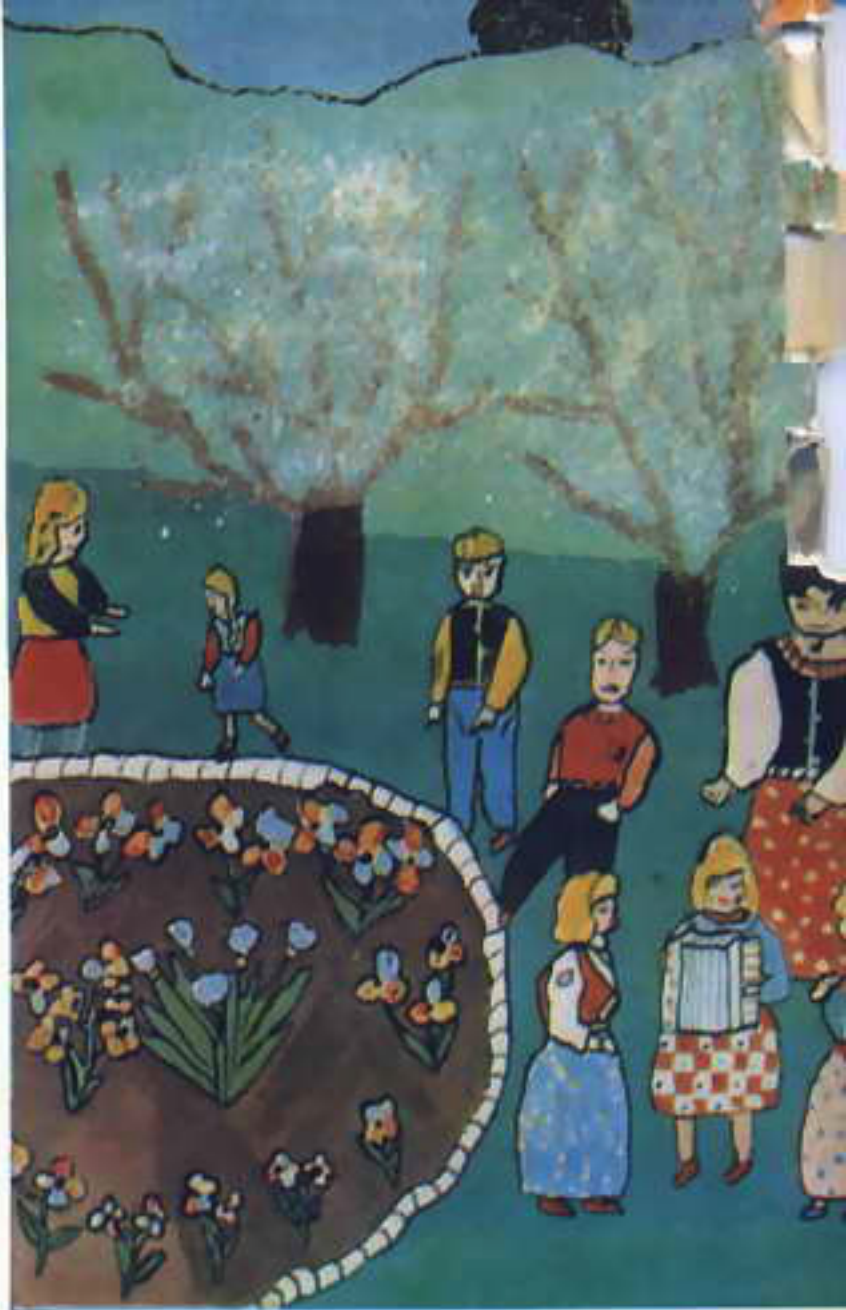
НА НАШИХ СНИМКАХ — рабочие смены цеха автоматических линий. Объектив застал их во время экономической дискуссии в обеденный перерыв. Проблемы прибыли и сбыта, план обсуждаются не только на заседаниях и в кабинетах, но и в столовой, в раздевалке, у станка. У селектора — директор завода Е. Бородулин.

К Д Б К

Это рисунки международного конкурса «Моя страна — мой дом». Войдите и вы, читатели «Колобка», в эти дома, где живут ребята из разных стран.

Мама вешает белье. Удо Эльмер. ГДР. ↑

Хоровод. Зехра Хехведагич. ↑
Югославия.

← Девочка кормит белку.
Нина Клубус, СССР.

↑ Пейзаж Милан Геллер.
ЧССР.

Я. АКИМ

Откуда вырос колос!
Из одного зерна.
Откуда слышен голос!
Из нашего окна.
Откуда взялся мальчик!
Он вышел из дверей.
Откуда вылез пальчик!
Из варежки моей!

Шоколадная дорога

Джанни РОДАРИ

Жили-были в Барлетти три брата. Как-то гуляли они за городом и набрали невзначай на дорогу. Странная это была дорога — ровная-ровная и вся коричневая. Гадали, гадали, из чего она сделана, потом встали на колени и лизнули дорогу. Шоколад! Дорога была из шоколада! Недолго думая, решили братья попробовать, какова она на вкус. Отломил по кусочку, съели. Потом отломил еще по кусочку, потом еще... Не было больше ни шоколада, ни дороги. «Где же мы очутились?» — спросил младший брат. «Не в Барлетти, нет», — сказал средний. «И не в Мольфетти», — сказал старший.

По счастью, как раз в это время на своей тележке возвращался с поля крестьянин. И отвез их домой. Стали они вылезать из тележки и тут только заметили, что вся она из самого настоящего печенья. Обрадовались братья и, недолго думая, принялись уплетать ее за обе щеки.

Вот как повезло братьям из Барлетти. А повезет ли им так в другой раз, не знаю.

Перевод с итальянского
А. Короткова.

Петух. Будишин Весна, Югославия. →

Рыбная ловля. Ричардс, Англия. ↓

КОЛОБОК

Ребята, выучите эти слова, попросите папу или маму, чтобы они поставили на проигрыватель десятую звуковую страницу, и вы попадете на праздник песни. Веселитесь, пойте вместе с нами.

НАША ПЕСЕНКА ПРОСТАЯ

Музыка А. Александрова
Слова М. Ивенсен

Утром я встаю, Песенку пою. Песенка простая, Вот какая: «Ля-ля-ля-ля-ля! Вот и песня вся». В лад со мною	Чиж давно не спит, Он поет, свистит Песенку простую, Вот какую: «Чив-чив-чив- чив-чью. Вот как я пою!» Сели мы рядом, Спели мы втроем Песенку простую, Вот какую: «Мяу-чив-чив- ля-ля. Вот и песня вся!»
--	---

Жмурится, поет кот
Песенку простую,
Вот такую:
«Мяу-мяу-мяу-
мурлык.
Так я петь привык».

Зима. Ионекес Ромуальдос. СССР.

КОНКУРС «КРУГОЗОРА»

Редакционная коллегия журнала «Кругозор» отметила премиями лучшие материалы, опубликованные в 1965 году.

Л. МАРТЫНОВ, поэт. Новые стихи. (№ 7).

С. ЗИНИН, журналист. Серия звуковых очерков и репортажей: «Вулкан снаружи и внутри», «Между солнцем и туманом», «Земля» (№№ 1, 5, 9).

М. ТАНК поэт. Пять стихотворений. (№ 10).

Г. МЕЛЬНИКОВ, заслуженный художник РСФСР. Обложка «Праздник зимы» (№ 1).

А. КОЛКЕР, композитор. Песни «Горожанка», «Принцесса и Синяя страна». (№№ 1, 6).

Я. СМОРОДИНСКИЙ, доктор наук. «Вечный поединок с природой». (№ 4).

На первой странице обложки: «Снегурка». Работа заслуженного деятеля искусств РСФСР А. Катухиной (Палех).

На четвертой странице обложки: Зимние этюды. Фото Я. Берлинера, Б. Кузьмина, Л. Лазарева, Д. Луговьера.

Художник В. Щапов.

Технический редактор Л. Петрова.

Режиссер Н. Субботин.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ.

Адрес редакции: Москва, Пятницкая ул., 25.

Телефоны редакции: В 3-74-42; В 3-74-59.

В 05505. Подп. к печ. 18/ХП 1965 г. Формат бум. 84×108^{1/16}. Бум. л. 0,5. Печ. л. 1. Тираж 250 000 экз. Зак. 3427. Цена 1 руб.

Звуковые страницы изготовлены Всесоюзной студией грамзаписи фирмы «Мелодия» и Государственным домом радиовещания и звукозаписи.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина

СЛУШАЙТЕ В НОМЕРЕ:

МУЗЫКАЛЬНЫЙ
ТЕАТР

Кругозор

1. Восемь встреч 1965 года, сохраненные на магнитофонной ленте.

2. Путешествие по Кремлю.

3. Звезда испытателя. Рассказывает летчик Виктор Кузнецов.

4. Экономика и психология. Диалоги в цехе.

5. Эмиль Гилельс исполняет финал Первого концерта Шопена для фортепиано с оркестром (фрагмент). Дирижер Ю. Орманди.

6. Поэт Дитрих Фишер-Дискау. Шуберт — серенада из цикла «Лебединая песнь»; Моцарт — ария Дон-Жуана.

7—8. Наши песенные премьеры:

А. Пахмутова (слова Н. Добронравова)

«Нежность»; А. Быканов

(слова А. Горохова) «Пиши»;

А. Бабаджанян (слова А. Горохова)

«Будь со мной»

и «Солнцем опьянен».

Исполняют М. Кристалинская,

А. Горохов, М. Магомаев.

9. Четыре поэта —
четыре стихотворения:
Борис Слуцкий,
Сергей Наровчатов,
Константин Ваншенкин,
Анна Ахматова.

10. Страница для детей.
У «Колобка» праздник песни.

11. Голоса с берегов Балтики.

Элга Игенберг

(слова Я. Османис)

«Нас звезды ждут»;

П. Донаджо «Джоване».

Исполняют Лариса Мондрус

и эстрадный оркестр

под управлением Эгила Шварца.

12. Вас приглашают на танцы

квартет «Улыбка»

и эстрадный оркестр

под управлением

Б. Карамышева.

Рисунок
А. Тertyша

Цена 1 руб.